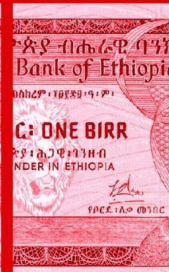
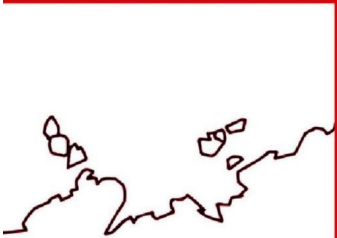

Быр-наш!

Политический памфлет

Братья Швальнеры

Братья Швальнеры Быр-наш! Политический памфлет

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20975984
ISBN 9785448312212*

Аннотация

Население огромной страны впадает в ни с чем не сравнимую по масштабам массовую истерию. Под влиянием СМИ люди начинают сходить с ума на почве великодержавного шовинизма, и выхода из этого состояния не видать ровно до тех пор, пока это же явление не начинает пожирать людей изнутри. А тогда уж, как водится, поздно... Книга, которую вы держите в руках, – политический памфлет в стиле Мора и Оруэлла, который заставит ваше сердце биться сильнее. Узнавайте в героях себя – и не повторяйте их ошибок!

Содержание

Откуда есть пошел быр...	6
От купели – и до тризны	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Быр-наш!

Политический памфлет

Братья Швальнеры

Валентине Зволинской с пожеланиями терпения посвящаем

Авторы

Быр – есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у расейцев непонятно что, нужное непонятно зачем, но необходимое во что бы то ни стало. Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал

Н. В. Гоголь, русский писатель

РЭП (Резидуальная энцефалопатия) – это патология головного мозга в следствие гибели клеток центральной нервной системы. Возникает в следствие длительного или острого повреждающего фактора (Большой медицинский словарь).

Иллюстратор Братья Швальнеры

© Братья Швальнеры, 2018

© Братья Швальнеры, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4483-1221-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Откуда есть пошел быр...

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный// К нему не зарастет народная тропа...» Да, да, Пушкин, наше все, как говорил другой нетленный классик.

Но – до этого пока далеко. Пока маленький Саша – круглый упитанный ребенок лет семи-восьми – играет со сверстниками во дворе родовой усадьбы в Михайловском, близ Звенигорода. Погода стоит ясная, теплая, разгар лета. Конец июня всегда здесь знаменит своею рыбалкою – и маленький Саша, и его дед, Осип Абрамович любят половить осетров да лещей в здешней речушке. Лето Саша обычно проводит здесь, в имении деда и бабки. Дед уже весьма преклонных лет, но еще бодрячком – чуть позже выяснится, что этот год станет последним в его жизни. А вот бабка еще и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдет, и замечательные кошерыные кнедлики еще приготовит.

Пушкин в детстве

Сегодня с утра вся усадьба буквально стоит на ушах – с вечера стало известно о предстоящем прибытии государя императора Александра Павловича, и все – от дворни до хозяев – озабоченно-деятельно принимают участие в подготовке. Чурается работы только Осип Абрамович – ему известна цель визита, а потому он спокоен и даже, в свойственной ему манере, чуть надменен.

– Мойша! Мойша! – надрывает горло бабка, Мария Алексеевна (на самом деле – Ароновна), пытаюсь призвать заблудившего неизвестно где дворника. – Мойша, мать твою, муслимку!..

– Маша, – спокойно отзывается на ее крики дед. – Шо ты

так кричишь?

– Да шо ты старый пень понимал бы в хозяйстве... Хозяйство вести не... трясти!

Не удивляйтесь после, откуда у Пушкина страсть к разного рода хулиганствам в поэзии – как говорится, яблоко от яблони недалеко падает.

– Та я тока не понимаю, шо можно поправить криком. Вот папа мой, Абрам Петрович, упокой, господи, его душу...

Бабка, не в силах выслушивать в очередной раз многократно слышанный монолог, машет рукой и ворча что-то себе под нос уходит с крыльца. Осип Абрамович не считает нужным продолжать его – главная цель достигнута, и назойливая супруга своим криком больше не будет мешать его отдыху в гамаке под пение птиц и гомон детворы. Разве что, когда пробьет три часа пополудни и останется полчаса до приезда августейших особ, заставит его пойти и переодеться к ужину.

А проезд и впрямь был значительным. Маленький Саша никогда ранее не видел – и потому хорошо запомнил – казавшуюся бесконечной вереницу карет, украшенных снизу доверху золочеными деталями и каемками, разнаряженных пуще людей во все красное лошадей и совершенно немислимое количество народу, одетого так красиво и чудно, что ребенку показалось, будто присутствует он на карнавале.

– А и впрямь красиво,.. – процедит при виде процессии Осип Абрамович.

Вот показывается императорская свита, из которой Саше более других бросается в глаза юный, но статный великий князь Николай Павлович – он так строг и величествен, что робко и опасливо к нему даже и приблизиться. И оттого особенно притягивает он сторонние взгляды, и оттого особенно красивым кажется со стороны. Как драгоценный камень, помещенный под три замка в царской казне или музее...

Александр I Павлович

Осип Абрамович Ганнибал

После долгих приветствий государь говорил в столовой с дедом (Саша слышал это краем уха, стоя с той стороны двери, ибо страсть к подслушиванию давно была ему свойственна, с раннего детства):

– Дорогой Осип Абрамович. Семья Ваша с давних пор связана с государством российским и с самим домом Романовых. Папенька Ваш, славный Абрам Петрович, как Вы знаете, водил дружбу со славным пращуром нашим – государем Петром Алексеевичем, чье имя на века войдет в историю... А ведь он с кем попало дела не имел. Умел выбирать среди множества лиц именно тех для своего круга, кто пользу и выгоду принести России сможет. И в папеньке Вашем, как

история показывает, не ошибся...

– Не преувеличиваете ли Вы, Ваше Величество?

– Отнюдь. Преуменьшаем скорее. И связь времен, поверьте нам, не прерывается, а продолжает свою жизнь. Вот и сегодня обращается к Вам империя с просьбой – вновь сослужить службу государству, как это было заложено веками в традиции семьи Ганнибал. Славные традиции. Добрые традиции.

– Помилуйте, Ваше Величество, чем же я могу? Россия вон какая великая, а я... Да что я...

– Видите ли, уважаемый Осип Абрамович, уж больно беспокойно нынче в мире. Того и гляди война начнется.

– Война? Господь с Вами, Ваше Величество! Да с кем же это?

– С французами.

– С французами?

– Именно. Еще папенька мой, упокой Господь его душу, Павел Петрович дурное зерно заронил в отношения между странами нашими, начав заигрывать с Наполеоном. Помните ли Вы, как Буонапарте в 1800 году сто тысяч наших солдат из плену отпустил?

– Как не помнить...

– Вот и аукнулось нам все это. Тут ведь как. Если с Наполеоном дружбу водить, тогда с Англией ругаться, а этого нам никак нельзя!

– И неужто же до войны дойдет?..

Государь опустил глаза, отвечал не сразу:

– Мы не говорили Вам этого, но война ближе, чем кажется. И в такой обстановке нам просто необходима Ваша помощь. Нам и России.

Саша вслушивался и вслушивался в непонятные ему еще слова, но пока ему удавалось только запомнить их последовательность. О смысле он мог только догадываться. Да и то было непросто, покуда как бабка вскоре отогнала его от двери.

– А-ну, геть отсюда, поц этакий! Ишь наловчился взрослые розмовы слушать... Давай, давай, в детскую...

Проходя мимо комнаты сестер, Саша увидел великого князя, увлеченно беседовавшего со старшей сестрой его, Ольгой. Их молодость и стать влекла юного поэта, ему хотелось поскорее вырасти, чтобы сторонние барышни взирали на него с подобным же вожделением...

Дед, однако, не был так строг, как бабка. И уже утром следующего дня они вновь пошли с Сашей на речку. Там деда ждал его сосед и старый друг, Давид Гершалович Шепаревич.

– Давид Гершалович!

– Осип Абгамович!

Старики расцеловались. Пока Саша ловил в садок какую-то малознакомую речную мелочь, старики выпивали безрезовый спотыкач в беседке и вели беседу. Краем уха Саша вновь услышал ее содержание.

– Ну и шо просил?

– А Вы как-таки думаете? Денег просил, естественно.

– На что они ему? Никак казна опустела?

– Не думаю, чтобы совсем уж опустела, но деньги лишними не бывают, сами понимаете...

– А то. И все же?

– Армию снаряжать будет в поход на француза.

– О как! И много ли просит?

– Сколько ни дай – всему будут рады...

Старики задумались.

– А я вот чего думаю. Есть занятная мысль.

– Шо Вы-таки придумали?

– Вы же ту легенду помните, про Эфиопию?

– Как не помнить?! Когда гонения на нашего брата начались, папенька неделю ночи не спал, все сочинял свое происхождение. Как отче наш заучили, не дай Бог было что позабыть или перепутать!

– Ну так вот и давайте ее продолжать.

– Как это?

– Вы деньги ихние знаете?

– Чьи?

– Ну эфиопские...

– Да почему я знаю? Ежели Вы меня спросите – я и названия-то такого толком написать не смогу.

– Батюшка Ваш тогда в Эфиопию-то съездил и целый сундук привез. Быры они называются...

– Помню что-то эдакое, у Вас в саду закопал... Только ведь они кажется ничего не стоят!

– Так-то оно так, да ведь кто же знает!

– И шо Вы предлагаете?

– А отдадим их царю!

– На что они ему?

– На армию. Все равно никто не знает им цену, а они красивые, золоченые, да много-то их как... Все равно ведь пролежат, никому... А так – Вам честь и почет будут с них!

Подумали.

– А славное вы-таки решение предлагаете, дорогой Давид Гершалович!

– О чем Вы говорите...

Спустя лет шесть, когда война все же началась, а дед уже преставился, Давид Гершалович в присутствии Саши-лицеиста, приехавшего к бабке на каникулы беседовал с его отцом Сергеем Львовичем, который все сокрушался потерям и поражениям русской армии во вновь начавшейся кампании.

– Ну ведь ничего! Ничего! Ни вооружения, ни обмундирования... И такие потери – только из-за неподготовленности войск к наступлению. Хотя ведь было известно о войне, и задолго! Помню, как тесть еще в 1806 году ссужал императора деньгами на этот случай! Все разворовали, негодяи!

– Супостаты, просто супостаты... – бормотал старый Шепаревич, а в бегающих глазах его видел Саша плутовство и некую боязнь. Пушкину казалось, что он что-то знает

и скрывает, но... разговор шестилетней давности уж выветрился из юношеской памяти, уступив место мыслям и мечтам о юных нимфах да виршам.

Утро субботы выдалось на сей раз дождливым. Владимир Ильич Ленин подошел к окну своего номера мюнхенской гостиницы «Берлинген» и долго всматривался в капли дождя, стекавшие по стеклу. Настроение было двойное – с одной стороны он находился на пороге исторического шага, который был призван сыграть роковую роль не только в его биографии, но и в судьбе всей страны. А с другой стороны – его тяготила неопределенность будущего. События хотелось форсировать, но к тому не было никакой возможности. Ильич тяжело вздохнул.

– Что с тобой? – спросила Надежда Константиновна, подойдя к нему со спины.

– Хуже нет, чем ждать и догонять.

– К чему это ты?

Вместо ответа Владимир Ильич посмотрел в водянистые, огромные, ничего не выражающие глаза супруги. На секунду ему показалось, что его горячо любимая Инночка, Инеса стоит перед ним. Но очень скоро сумрак рассеялся – и Ильич, к великому своему сожалению, снова увидел пустые коровьи глаза перед собой. Он поморщился от недовольства.

– Пойду.

– Куда ты? – для проформы спросила супруга.

– Пройдусь.

По обыкновению, приземлившись в пивной «Брюггенау», Ленин увидел здесь старого своего приятеля – молодого человека с горящими глазами и коротенькими усиками над верхней губой. Он недавно вернулся с фронта, где был тяжело отравлен газами, и последние две недели они с Ильичом встречались в этой пивной достаточно регулярно.

– А, это Вы, здравствуйте... – улыбнувшись, традиционно по-немецки начал Ленин. Здесь его знали как господина Мернсдорфа.

– Добрый день, – молодой человек тоже был рад видеть его.

– На чем мы вчера остановились?

– На классовой теории построения государства.

– Ах, да. Так вот классовая теория. Не существует, мой дорогой, никакой классовой теории. Вернее, она существует, но только в умах общества. В целом, согласно учению Дарвина, все мы созданы одинаковыми. Даже если и существовали со времен первобытно-общинного строя некие различия среди нас, то в процессе онтогенеза давно и безвозвратно стерлись! Вот так. И потому эту общественную заразу необходимо из ментальности вырвать. Стереть классы с лица земли всеми возможными способами...

– Так уж и всеми?

– Абсолютно всеми, не гнушаясь ничем и ничем! Ес-

ли потребуется, если не поймут одурманенные бургерской идеологией массы – уничтожить. Нещадно уничтожить физически.

– То есть, если я правильно понимаю, уничтожить всех, кто отказывается пополнить некую социальную общность, господствующую в конкретном государстве?

– Совершенно верно понимаете! Такая общность есть везде – согласно учению Маркса, это – пролетариат. Согласно языческих предубеждений, это – арийская раса. И так далее. Не суть важно, какова эта общность по природе и по составу. Но тот, кто отрицает ее существование и по каким-то причинам не хочет или не может пополнить ее ряды, ведя государственную политику к триклятой классовой теории – как раз и есть самый заклятый враг, нуждающийся в немедленном и срочном уничтожении!..

Молодой человек слушал внимательно, едва ли не открыв рот.

– Гениально!

В этот момент речь Ленина прервал вошедший в пивную строго одетый бургер в костюме и с тросточкой. Он вежливо похлопал Ильича по плечу. Тот обернулся.

– Херр Мернсдорф, здравствуйте!

– А это Вы... Дорогой мой, – обратился Ленин к собеседнику, – я отойду ненадолго, Вы уж тут не скучайте, – и в компании посетителя вышел на улицу.

– Что случилось? Где Вы пропадали столько дней?

– Обсуждал с берлинским руководством детали операции. Проезд через Германию мы Вам организуем в plombированном вагоне, дальнейшие инструкции получите уже в Гельсингфорсе...

– А моя безопасность?

– Не переживайте, кайзер дает Вам все необходимые гарантии и гаранта.

– Кто это будет?

– Платтен, Ваш издатель. Его кандидатура Вас устраивает?

– Вполне. При условии надлежащего оформления документов.

– Это само собой. Проблема возникла с деньгами?

– Что это значит? Мы давно говорили об этом! Вам необходимо выиграть войну, но при том уровне подготовки и вооружения, которое имеет сейчас царская армия, сие невозможно. Практически это будет достижимо в случае смены российского руководства. Керенский это прекрасно, но Милюков настаивает на войне, и в России в настоящий момент не существует авторитета, более сильного чем он. В таких условиях можно говорить только о силовом варианте смены власти, который, как мне известно, кайзер поддерживает! Поддерживал до недавнего времени, во всяком случае...

– Это само собой, ничего не поменялось. Но понимаете... Мы не можем выдать Вам испрашиваемую Вами сумму в марках.

– Почему? Ее у Вас нет?

– Она есть, но как только Вы начнете рассчитывать с типографиями, с военными заводами, да наконец просто давать взятками марками, в этом моментально заподозрят немецкое командование, и тогда рухнула Ваша революция как карточный домик!

Ленин задумался.

– Тоже верно. А что, если фунтами стерлингов?

– Еще лучше. Тогда Ваши сторонники начнут обвинять Вас в сотрудничестве с Антантой и царской властью, которая, как известно, с ней дружна.

– Ах ты как верно! Ты подумай как верно-то, голубчик! Просто-таки архи-верно... А как же тогда?

– Быр! – воздев палец к небу, изрек немец.

– Что, простите?

– Быр. Эфиопская валюта. Вот и поди там разбери, что к чему.

– А цена, позвольте?

– Пустяк, цветная стекляшка, дешевле рубля во много раз. Что вы от них хотите, дикари... А все же – деньги, валюта! Вот и возьми, как у Вас говорят... за рупь...

– За двадцать! – расхохотался Ильич.

– Так значит решено. Послезавтра в это же время в Вашем гостиничном номере.

– Буду ждать... Да, кстати, херр Шуленбург?

– Да?

– А как Вы меня нашли?

– Немудрено.

– И все же?

– Извините. Как-нибудь в другой раз. Ауфидерзейн.

– Ауфидерзейн!

Вернувшись за стол, он продолжил:

– Замечательный человек...

– Я его хорошо помню. У нас на Восточном фронте он командовал батареей. Сейчас, кажется, в посольстве в России кем-то служит.

– У Вас феноменальная память. Он – военный атташе посольства.

– Что Вас с ним связывает?

– Пока это – мой маленький секрет, раскрою чуть позже...

Да, кстати, как Вас зовут? Мое имя Вы знаете, а я Ваше нет.

– Простите, но с Вами настолько интересно беседовать, что я, по всей видимости, просто забыл представиться... Адольф, – протянул руку молодой человек. – Гитлер.

Владимир Ильич Ленин

Пройдет много лет, Ленина уже не будет в живых, и Сталин, не имевший ни малейшего понятия об этом разгово-

ре Ильича с немецким военным посланником, будет лишь в самых общих чертах знать о чудесной роли эфиопской валюты в новейшей русской истории. Как вдруг, в один из дней, на пороге кабинета отца народов появится председатель ОГПУ Менжинский.

– Здравствуйте, товарищ Сталин!

– Здравствуйте, Вячеслав Рудольфович! Что за спешность? Что-нибудь случилось?

– Случилось, товарищ Сталин. Нами получены неопровержимые сведения о том, что председатель Совнаркома товарищ Рыков дал указание вывезти в Америку и хранить на счете, открытом на его имя, золото, привезенное Ильичом из Мюнхена в 1917 году.

– Помню это золото... Оно же изначально было в какой-то валюте... Не помню, африканской что ли...

– Совершенно верно, в эфиопской, Иосиф Виссарионович. В бырах. Потом переплавили в золото. И было его там ни много – ни мало на десяток миллионов дореволюционных царских рублей.

– А когда он это сделал?

– Две недели назад.

– Почему же сразу не пресекли?

– Он был с дружественным визитом в США, а ОГПУ не вправе проверять председателя СНК СССР.

– Верно... Доказательства есть?

– Так точно, – Менжинский положил на стол Сталина

принесенную с собой увесистую папку. Перевернув первые несколько страниц, Сталин протянул:

– Да... И таких людей мы допускаем до руководства страной... Страна в нищете, на коленях, кулаки буквально заедают, а он миллионы в США вывозит. Какие будут предложения?

– Я думаю, товарищ Сталин, что память Ильича, железного Феликса, да и наша с Вами партийная совесть не позволят нам поступить иначе, чем вытравить из наших рядов антипартийную контру!

– Из партии исключить?

– И не только из партии. Из жизни вычистить! Чтоб другим неповадно было! Расстрелять к едрене фене... Ой, простите ради бога...

Сталин подумал, затянулся трубкой и отвел глаза в сторону окна.

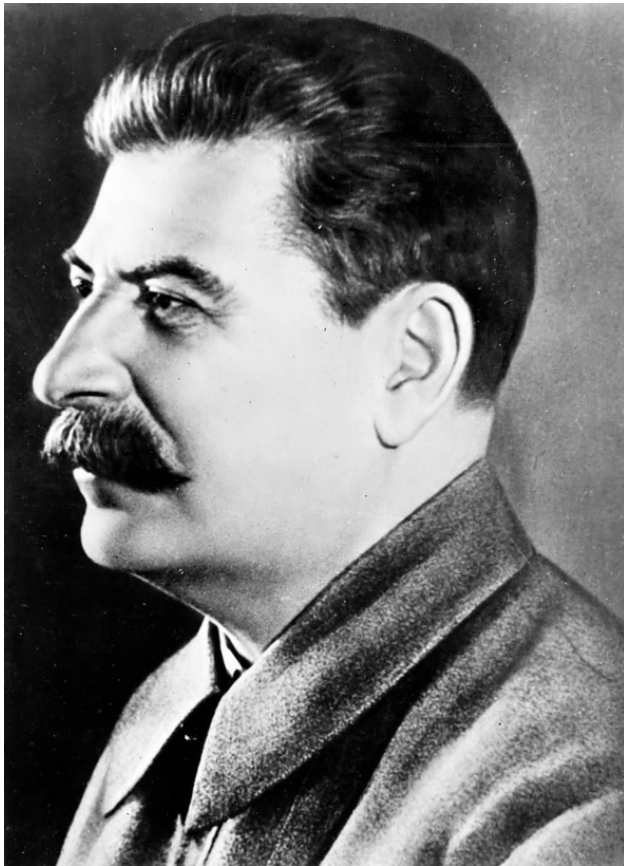
– Правильное решение...

Чуть позже, возвращаясь к этому разговору 1930 года, в своих работах Сталин опишет последствия разговора и обвинит Рыкова в хищении привезенных Лениным быров.

«Вы знаете, – напишет он, – историю с вывозом золота в Америку. Многие из вас думают, может быть, что золото было вывезено в Америку по решению Совнаркома, или ЦК, или с согласия ЦК, или с ведома ЦК. Но это неверно, товарищи. ЦК и Совнарком не имеют к этому делу никакого отношения. У нас имеется решение о том, что золото не может

быть вывезено без санкции ЦК. Однако это решение было нарушено. Кто же разрешил его вывоз? Оказывается, золото было вывезено с разрешения одного из замов Рыкова с ведома и согласия Рыкова».¹

¹ Сталин И. Сочинения. – М., 1949. – Т. 12. – С. 101—102.

Иосиф Виссарионович Сталин

От купели – и до тризны

Эфир программы «Время», 05.05

«Метрики – вещь суровая», говорит старое мудрое изречение. Русская пословица по тому же вопросу вторит: «Написано пером – не вырубишь топором». На наш вопрос, долго ли думали над именем для новорожденного сына, ведь исправить будет нельзя, молодой отец ответил: «Ни минуты».

Александр Петров, слесарь: «Тут другого имени, по-моему, и придумать нельзя. Вы посмотрите, что в мире происходит. Мы столько лет жили в России и не знали, не вспоминали о своих корнях. А сейчас – такая радость, воссоединение... Наконец-то побратаемся с родней своей закеанской... Ну как такому не радоваться? Конечно, как и все, как вся страна радовались. Потому и имя сразу пришло».

Ксения Петрова, его жена: «Я тогда на восьмом месяце была. Ну мы уже знали, что мальчик будет. Разные имена рассматривали – я вообще в честь мужа Сашей хотела назвать...»

Александр Петров, слесарь: «А я ей говорю, какой тут Саша, когда такое событие?! Ну посоветовались, с родителями посоветовались, и решили назвать... Бьр».

Надежда Пикулева, акушер-гинеколог Копейской город-

ской больницы: «Мы, конечно, сначала сильно удивились, когда такое имя услышали... Ну знаете, как это обычно бывает – спрашиваем у роженицы, как назвала, чтобы на бирочке написать. А она что-то бормочет. Мы все прислушались, не поймем сначала, что она говорит... А это имя оказалось. (Смеется). Но потом подумали и порадовались за молодых родителей – как-никак такое имя, историческое, это ж почти как Пушкин... Почти как я не знаю... как князь Владимир или Дмитрий Донской...»

Позавчера в родильном доме номер 5 Копейской городской клинической больницы на свет появился мальчик с новым и замечательным именем Быр. Быр Александрович Петров. Раньше, можно с полной уверенностью сказать, так в нашей стране никого не называли – маленький копейчанин первым в нашей стране будет носить это высокое и гордое имя, символизирующее воссоединение братских народов России и Эфиопии. Еще каких-нибудь полгода назад никто и подумать не мог, что один народ волею исторических судеб окажется разделенным на два и одна его часть станет осваивать 1/6 часть суши, а другая – гостями ютиться на чужом для нас жарком африканском континенте. А уже сегодня стараниями нашего горячо любимого президента, Василия Васильевича Митина, два народа, две страны, две валюты объединились раз и навсегда. И имя этому братскому союзу – Быр.

Сегодня это имя получил не только союз, но и маленький

гражданин провинциального Копейска.

Наталья Ломовая, заведующий отделом ЗАГС администрации Копейска: «Конечно, имя редкое. Хотя к экстраординарным случаям мы привыкли. Тут кого только не было – и Владлены, и Вилены, и Трактора, и Революши, и Баррикады. И это было понятно – веление времени. А вот чтобы так... Быр... Это ж как надо Россиюшку любить, чтобы так сына назвать! Трогательный и замечательный поступок родители совершили по отношению к сыну!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.